

ПОЛЬСКО-СИБИРСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Andrzej Dybczak

Gugara

Wołowiec 2012

А Н Д Ж Е Й Д Ы Б Ч А К

ГУГАРА

Перевод с польского
Юрия Чайникова

Санкт - Петербург А Л Е Т Е Й Я 2018

УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)6-4
Д 874

*Книга издана при поддержке
Польского культурного центра в Москве*

*This publication has been supported by the
©POLAND Translation Program*

Дыбчак А.

Д 874 Гугара / А. Дыбчак; пер. с польск. Ю. Чайникова. – СПб.: Алетейя, 2018. – 170 с. – (Польско-сибирская библиотека).

ISBN 978-5-907115-33-0

Анджей Дыбчак – польский этнолог, путешественник, кинематографист, писатель. Неоднократно посещал Российскую Федерацию. В 2004 году он оказался на севере Красноярского края, после чего написал книгу-репортаж «Гугара», рассказывающую о его встрече с миром эвенков, бывших социалистических оленеводов. Потом он вместе с Яцеком Нагловским снял документальный фильм с тем же названием. Фильм получил награды на многих фестивалях, а сама книга – престижную в Польше литературную премию Фонда им. Косцельских. «Гугара» – это литература неторопливого факта и репортаж о нескольких днях, проведенных на Севере накануне осени.

**УДК 821.162.1
ББК 84(4Пол)6-4**

ISBN 978-5-907115-33-0

9

© А. Дыбчак, 2018
© Ю. Чайников, перевод на русск. язык, 2018
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

Памяти всех тех, о ком эта книга и кого больше нет среди нас – Дмитрия, Максима, тётки Вали, Владимира Ильича и других. Без их тепла никогда бы не состоялась моя встреча с Читателем.

И с благодарностью всем тем, кто, к счастью, с нами.

Автор

ГУГАРА

— Ты хоть знаешь, кто лучший в мире исполнитель? — спросил Дмитрий Николаевич, оторвал взгляд от очага и посмотрел на меня искоса. Остальные члены семьи удобно расположились в полумраке, лишь слегка разгоняемом всполохами тусклого пламени.

— Ну и кто же?

— Лучше всех — Тото Кутуньо, — заявил он.

— Это точно... Тото — лучший, — поспешила подтвердить Татьяна, поглаживая кончик своей тоненькой косички.

— Вроде что-то слышал.

— Итальянец... — объявила она торжественно и аккуратно подложила щепку в огонь. На секунду сделалось светлее, котелок над огнем отбросил громадную тень на брезентовую стену чума, а из темноты сверкнули черные глазищи.

— Султан, зараза, чего лезешь?! — крикнула Татьяна. — Пшел вон! Что за собака. А ты чего сидишь? Выгони его! Неровён час на меня бросится.

Дмитрий что-то энергично несколько раз повторил, и мохнатая башка исчезла в щели под чумом. Послышалось рычание, которое наверняка не обошлось без демонстрации крупных желтых клыков. А что поделаешь: под конец лета даже собаки по вечерам мерзнут. Внутри чума не так уж и просторно: пространства, может, с комнатку в современном городском панельном доме. Воткнутые по кругу длинные жерди сходились высоко над нашими головами и торчали пучком из широкого отверстия, через которое шел дым.

Когда я впервые вошел в чум (дело было днем), внутри было светло, а пол, застеленный густыми ветками лиственницы, зеленел как свежесорванный салат. Хотелось лечь и не вставать. Мне тогда, чтобы пробраться к специальному гостевому месту, пришлось обойти очаг, пригибаясь под составленными в пирамиду деревянными шестами, поддерживавшими плотную грубую ткань. Собаки взапуски перебрехивались друг с другом. А мы сидели и делали два дела, прекратить которые выше человеческих сил: курили и смотрели, не отрывая взгляда, на огонь. Упершись подбородком в колено, Татьяна выпускала клубы дыма через дряблые губы. В своей черной вязаной шапочке и зеленом свитере она выглядела как домовая. Дмитрий, тоже весь в белых клубах табачного дыма, щурил глаза. По сравнению с их канскими «примами» мои «тройки» — суперлайт. Впрочем, у «примы», кроме крепости, были и другие положительные стороны. Цена — шесть рублей за пачку, вкус — специфический, да и остававшиеся бычки тоже шли в дело — на самокрутки. Вот и теперь, обжигая губы, докурили до последней возможности держать пальцами, погасили и поместили в уже до половины заполненную бычками бутылку из-под кетчупа. На черный день.

— А что сделаешь, иногда сидим в тайге совсем без курева, — пояснила Татьяна.

— Да... Жизнь... — добавил Дмитрий. — Когда колхоз был, сигареты привозили аж вертолетами. Человек мог покурить сигаретку до половины и бросить. Можешь себе такое представить?

— Во житуха была... и по двенадцать чумов иногда на стойбище ставили. Весело было, — предалась воспоминаниям его жена.

— Ну а перестройка пришла — всё и распалось. Пришел Горбачёв... — начал было Дмитрий.

— Ты чего городишь? — возмутилась Татьяна — Какой еще Грачёв?

— Горбачёв! — подсказал я.

— Аа, этот, — дошло до нее. — Как будто нормально нельзя сказать, — добавила уже тише, себе под нос, и отвела взгляд.

Глуховата была, и иногда в разговоре с ней приходилось повышать голос.

— Вот я и говорю, Горбачёв, — продолжал хозяин. — Ведь я правильно всё говорю, Андже? Разве нет? Потом был Ельцин. Только пьяница, говорят, был такой, что страх. — Дмитрий на минуту задумался. — Не то что Суворов.

— Какой еще Суворов? — удивился я.

— Суворов, — повторил он, — да только и он ничто по сравнению с Александром Македонским.

— Факт.

Дмитрий обернул ко мне свое посеченное морщинами сияющее лицо.

— А самое важное, — подчеркнул он выразительным жестом пальца, — Македон одолел даже Спартака.

Татьяна слегка отвлеклась, потеряла нить разговора, и теперь хлопотала по хозяйству, перебирая утварь. Всё делала не сходя с места. Кухонное пространство было на расстоянии вытянутой руки, с левой от входа стороны. А само хозяйство состояло из большого, обтянутого коричневым дерматином чемодана, помещавшем в себе и буфет, и шкафчики и ящички. Внутренняя сторона откинутой крышки была обклеена вырезками из цветных журналов. Среди них — портрет губернатора Эвенкийского Автономного округа, обелиск на озере Виви, обозначавший географический центр России, и пожелтевшие от времени рецепты из когда-то популярной «Хозяйки чума».

— Андже, это хорошо, что ты приехал, при тебе он хоть разговорился, точно двадцатилетний. Просто приятно послушать, — сказала она, наполнила из канистры чайник водой и повесила его над огнем.

Дмитрий отмахнулся.

— Точно, точно. Вот уйдем в тайгу, и наступит молчание, двух слов от него за день не добьешься. Живи тут одна в лесу с таким бирюком.

Всё это слушал ее муж, сокрушаясь и поддакивая.

— Максима надо позвать, чай пить будем, — напомнил он.

В этот момент полог, прикрывающий вход, откинулся, и в нем оказался легкий на помине Максим вместе с Никитой.

— *Дорова Байе*, — поздоровались они.

— О, вот и Никита попьет с нами, — обрадовалась Татьяна, а тот охотно согласился.

Мы сели полукругом, в центре которого был маленький деревянный столик, вроде тех, на которых в заграничных фильмах приносят завтрак в постель. Хозяйка подала лепешку, открыла консервы, разлила чай по кружкам. Каждый по очереди макал свой кусок в банку с маслом и закусывал консервами.

— Ну и как? — спросил набитым ртом Никита. — Когда едем в деревню?

— А как ехать-то? — тихо, даже не взглянув на него, спросил Дмитрий.

Никита почесал голову.

— Так эта... можно как в прошлом году — плоты собьем и поплывем, — и вперил испытующий взгляд в лицо хозяина, точно ждал одобрения. Но тот лишь покачал головой.

— Коля велел подождать его.

В километре отсюда лениво текла река, а в сорока километрах по ее течению была деревушка.

Никита отхлебнул из кружки.

— Еды мало, — заметила Татьяна.

Нужна была лодка, причем побольше, чем та, на которой Коля пару дней назад привез меня сюда. Лодки были у русских в деревне, так что оставалось только надеяться, что в ближайшие несколько дней он договорится с кем-нибудь о лодке, с начальником по фамилии Хейкури или еще у кого-то одолжит.

Начальник получил недавно от администрации новый «Меркурий» для того, чтобы людей возить по грибы, по ягоды, но те ли это люди, чтоб их возить? Паспорта нет, прописки тоже нет, зато есть огромная охота в деревеньку попасть. Туда уже почти все перебрались, а даже если и не переезжать с концами — хотя бы пару раз в году там побывать, чтобы оторваться по полной.

Коля обещал, что приедет через недельку с двумя лодками и всех заберет, но уверенности в том не было. Коля говорил, что вроде как бензин у него откуда-то есть, допустим, есть, только как он устроит, чтобы две моторки было? На лицо Никиты выползли сомнения. А если будет только одна лодка, то он заберет только своих родителей и брата, так что ему с Аликом, видать, придется сплавляться на плотах, а управлять плотом вдвоем не справишься. Никита был человеком осторожным, задумался, его лоб морщился под копной волос, а губы беззвучно шевелились. Однако он успокоился, перевел разговор на другие темы, закурил, отер руки о штаны и вышел.

— Загляни к нам, — бросил он мне, стоя уже снаружи.

Мы закончили еду. Крошки и остатки Татьяна высыпала на веточки рядом с очагом. Несмотря на темноту, она уверенными движениями разобрала столовую. Максим залпом допил свой чай, который из его нутра с благодарностью отозвался гулким «эххх!!!», и обтер губы.

— Мам, я к Алику схожу, а? — и не дождавшись ответа, встал и надел резиновые сапоги.

— Я с тобой, — сказал я ему и тоже обулся — надел кеды.

Первым вышел он, за ним — я. Вышел и опустил за собой тяжелый полог, очутился в полной темноте августовской ночи. Вокруг — тишина, ни звука. Из глубины леса, стоявшего вокруг стеной, долетал какой-то трудноопределимый отзвук, какое-то приглушенное эхо большой реки, текущей тут же за взгорьем, а может, это эхо всех рек вместе взятых, сливающееся в один, передаваемый от истока к истоку шепот.

Воздух был прохладен и свеж. Той же прохладой тянуло от земли. Легкий ветерок дул с севера и чувствовалось, что там билось сердце этого ледящего дыхания.

Я сделал несколько шагов и обернулся: едва различимый за деревьями, в сумраке под лунным сиянием серебрился небольшой конус чума. Казался очень маленьким и одиноким в большом пустом лесу. Поставленный между двумя чахлыми сосенками, он был похож на камень или трухлявый сук. Внутри сиделось как в мокром брезентовом мобильном дупле.

Бредя по влажным от росы чернично-голубичным зарослям, я постоянно терял из виду едва заметную тропинку, ведущую к чуму братьев Мукто, шагал наугад. И всё вроде как обходилось, пока под моими ногами вдруг что-то громко не заворчал. От неожиданности желудок подпрыгнул к горлу, но тут же упал вниз: ворчал наш Султан. Лежал, свернувшись клубком посреди тропинки и скалил клыки. Но всё-таки узнал меня, встал и подошел. Я потрепал его мохнатый черный загривок, морда совсем седая, и половину острого уха где-то потерял.

— *Нянакин, айа нянакин*, — при звуках эвенкийского языка он замахал хвостом. Мне оставалась лишь пара шагов. Я откинул полог над входом в чум рядом с внешним костром, над которым стоял солидный треножник. Внутри было тесно, кроме хозяев — Никиты и Алика — был еще Слава, тракторист, находившийся в данный момент в отпуске за свой счет.

— Курить есть? — спросил Максим. Я дал ему, не без удивления наблюдая, как он прикуривает от горящей веточки. — Это я от родителей прячусь, — пояснил он, смеясь.

Сам хозяин лежал на животе и, подпирая рукой щеку, внимательно изучал шахматную доску. Напротив — Слава, стоял на коленях и грыз ногти.

— А вот я тебя так, — Никита торжественно передвинул слона. — Была ладья да сплыла, пошла на дно, браток.

Еще немножко поиграли, не слишком долго, действительно, много ли наиграешь без ладьи? Никита потирал руки, Слава в сердцах сплюнул.

— Ну что, может ты сыграешь со мной? — спросил меня Максим тоном, не терпящим возражений.

— Давно никого не обыгрывал? — пошутил я, но он лишь пожал плечами. Все знали, кто лучший из нас шести. Как правило, объясняли это генами, мол, с таким братом, как Коля, это нетрудно. Он начал расставлять фигуры.

— Куда девалась черная пешка?! — раздраженно рявкнул он. В прошлой партии ее роль исполняла щепка. Все засуетились в поисках пешки, стали проверять, не сидят ли на ней. Несмотря

на то, что шахматы были особые, на магнитах, пешки всё равно терялись в подстилке, особенно черные.

— Вот она! — обрадовался Слава, поднимая пешку с земли.

— Порядок, играем! — дал добро Максим.

Поначалу я держался совсем неплохо, от нескольких роковых ошибок меня уберегли голоса моей части чума, которая во все, сколько их там было, глаза внимательно следила за ходом поединка. Партия быстро переросла в командное противостояние, собственно говоря, в товарищеский матч: Максим против остального мира. Парень имел репутацию солидного игрока. Более знаменитым шахматистом в округе был разве что Коля, и его длинную историю все здесь знали наизусть.

В возрасте семи лет Коля, как и остальные дети, был помещен, в соответствии с установленным порядком, в интернат в сельской школе. Кончился для него лес, и семью он видел только летом, когда родители забирали его к себе на каникулы. В школе у него были одни проблемы: то в самом начале не хотел мыться, то впадал в какое-то непонятное оцепенение, длившееся целыми днями, и тогда с ним можно было делать всё, что угодно, например, переносить как мебель. Когда же всё это закончилось, на носу уже был четвертый (а может и пятый) класс, и учителя уже стали хлопотать за него о месте в спецшколе.

В один прекрасный день математик, грузин, приличный в общем человек, под воздействием какого-то голоса свыше, показал ему шахматы и объяснил правила игры. Результаты не заставили себя долго ждать и были потрясающими: мало того, что парень обыгрывал каждого, он обыграл и своего учителя. Со временем он поднаторел в игре. В конце концов учитель математики неимоверными трудами добился встречи своего подопечного с лучшим русским ребенком-шахматистом, кстати, на два года старшим, с толстым Димой, школьным чемпионом и сыном начальницы лисьей фермы. В военном гарнизоне был устроен шахматный турнир, в финале которого естественным образом оказались Коля и Дима.

Толстый был так уверен в своей победе, что аж залился краской то ли стыда, то ли гнева, когда наш маленький абориген

наголову разгромил его. Никто не ожидал такого поворота событий и потому решили вскоре устроить встречу-реванш. Народ здесь хоть и простой, но очень азартный: вся деревня, говорят, поставила большие деньги. Однако и на этот раз толстый Дима потерпел поражение; залез под стол и разревелся. Так Коля стал бесспорным авторитетом. Пришел конец его бедам в школе, он превзошел среднеэвенкийский показатель в оценках настолько, что попал в Туру, столицу округа, где продолжил учебу. Только там ему удалось расправить шахматные крылья, выигрывая все соревнования и олимпиады.

За все свои достижения он получил стипендию и направление на учебу в Хабаровский институт физкультуры, на Дальнем Востоке, что в паре тысяч километров от дома по прямой линии. Линия хоть и прямой, да покрытой таким густым ковром тайги, что единственным средством транспорта мог быть только самолет, а поскольку это был транспорт необычайно дорогой, Коля мог воспользоваться им лишь два раза: первый — уезжая в Хабаровск и второй — возвращаясь обратно четыре года спустя, но уже в качестве учителя физкультуры.

Во время учебы в Хабаровске он вечерами разгружал пароходы, а днем ходил на занятия в институт. Он мог даже стать хирургом: завкафедрой спортивной медицины любил играть в шахматы, но Коля не захотел стать хирургом — брезговал дотрагиваться до человеческих внутренностей.

Он защитил диплом досрочно — за два месяца до окончания учебного года — и отправился в обратный путь, чтобы успеть домой к весне. Однако случилось так, что конец учебы в институте совпал с концом большого государства — СССР. Ему пришлось работать еще шесть месяцев, чтобы заработать на билет до Красноярска и дальше — до Туры, где он провел очередную зиму, ожидая попутного транспорта в деревню. Это был не самый счастливый период в истории Эвенкии, людям не платили зарплату, отрезали электричество и всё замерло в ожидании, что будет дальше. В конце концов он добрался до дома, получил ставку преподавателя физры и стал обустраиваться на фактиче-

ски новом месте, потому что за пять лет его отсутствия здесь изменилось всё.

Шахматная партия захватила всех присутствующих. На подмогу бросился Алик, который пододвинул к себе шахматную доску, склонился над ней и внимательно всматривался в маячащие в тусклом свете фигуры. Притаившийся за ним Никита нервно курил и с каменным лицом игрока в покер выдувал дым через ноздри. Когда Алик потерял последнего слона, затряс рукой, как ошпаренный, остальные лишь покачали головой.

— Слабак, — прокомментировал Максим. — А вот я вас, — захохотал он. Сам ребенок и смеялся как ребенок.

— Успокойся, мать твою. — пробурчал Слава.

Шахматы отставили в сторону, все закурили. Мы пододвинулись к огню, а то холод начинал проникать через латаный-перелатанный брезент.

— На работу пора возвращаться, — вздохнул Слава. — Интересно, что там в клубе. Весной Руслан так врезал этому, как его, Лапушкину, честное слово, от души.

— Руслан — парень что надо, — согласился Максим.

— Когда в последний раз сидели за столиком, Антонов только взглянул на него. «Что, хрен моржовый, zenки пялишь», — сказал тогда Степан. А тот пьяненький был, с чем-то там подскочил, ну а Руслан ему: «Ну чё в натуре? Чё, выйдем, если не ссышь», — продолжил Слава так, что аж слюна от этих эмоций пошла изо рта.

— Антонов когда-то отделал этого Степана, — встрял Максим.

— Это который глупый? — поинтересовался Алик.

— Ну, он самый, — громко шмыгнул носом Максим. — Прямо перед клубом, все высыпали поглазеть.

— И что? — резко развернулся в его сторону Слава. — На Руслана решил наехать?

— Руслан говорит ему: «Ну пошли, мать твою, куда только»... А тот начал что-то бормотать.

— И что, пошли?

— А ты думаешь, ему хотелось с Антоновым махаться?

— Руслан он такой... — согласились присутствующие.

Через тонкий полог чума долетал шум леса и, казалось, колыхал слабый свет, убаюкивая его, а свет потихоньку гас, погружая нас в сгущающуюся темноту.

— Это точно... — вздохнул Никита, лежа на поленьях, сваленных у стенки чума. — Ну что, завтра на шишки идем? — Ответом ему было согласное кивание голов.

— Я с вами... Пройдусь, — подал я голос.

— Ты только это... Смотри, не потеряйся, — рассмеялся Никита, а за ним и все остальные — злые гномы корчили рожи в отблесках догорающих углей. Видать, на памяти еще история годичной давности, когда один поселковый пошел по грибы, перепутал стороны света и двинулся на север, прочь от деревни. Через пятнадцать дней, когда он был уже на грани истощения, наткнулся на двух охотников и только благодаря этому остался жив. Если бы не они, бедолага бы дошел, как наш Каминьский*, до самого полюса. Похоже, парень совсем был близок к повторению этого подвига. И что с того, что деревня? Одно название, а две палатки всё равно, что иголка в стоге сена. Поди-ка вернись, если каждое направление в равной мере кажется правильным и ты ни в чём вокруг не узнаёшь ранее виденного. Как они здесь ориентируются, для меня осталось загадкой, а сумбурные объяснения Коли о солнце и его движении по небу точно отвратили меня от углубления в проблему.

— Самое главное — знать где восток, — так мне объяснял когда-то Дмитрий и показывал то тут, то там, раз — за спиной у себя, другой раз — перед собой, третий раз — направо. А были еще и объяснения, когда восток алел и с левой стороны.

— Тааак, ну-ка, покажь еще разок, — рассмеялась Татьяна. — Я хоть знаю только, где север, но зато знаю точно, — сказала она и ткнула пальцем. — Вон оттуда птицы улетают перед морозами.

* Марек Каминьский (род. 1964 г. Гданьск) — польский путешественник, полярник. Единственный человек в мире, покоривший оба полюса Земли в течение одного года (1995 г.) — Прим. переводчика.

Я вышел наружу, из рта шел пар. Тихонько возвращался домой, стараясь не намочить в холодной росе кеды и не залезть в заросли черники, что не всегда удавалось. Путь мой лежал с горки, и благодаря этому я мог, не запрокидывая голову, видеть миллионы звезд. Прямо передо мною черные силуэты деревьев набрасывались на эту светящуюся отмель, словно акулы. Внезапно тишину статичного пейзажа разорвал страшный хрип, дошедший из темноты, рядом со мной. Я замер.

— Мать твою! — Рвущееся из груди сердце удержать было труднее, чем обложить матюгами Султана, который тарашился на меня и щерил клыки. — *Султан, айя нанакин*, — сказал я и осторожно прошел мимо него, съжившегося в мгновенном стрессе. Я слышал, как он снова укладывается, ворча и вздыхая. Перед входом в чум лежал привязанный Мальчик, который лучше подходил на роль сторожа — помоложе, а спал крепко. Я отошел к деревьям. Шум падающей на влажный мох струи в этой тишине был подобен рокоту Ниагары, заполняя собой всё пространство так же, как храп, доносящийся в городе среди ночи из открытого окна, может заполнить пустую улицу гипнотической дрожью. Ровно на высоте глаз, на чахлой березке висела волчья челюсть, украшенная несколькими линиялыми ленточками. Эдакая цитадель «чумовой» линии Мажино, отгоняющая страх за охранный периметр. Я вернулся в чум. Дмитрий и Татьяна лежали, накрытые по уши шкурами и розовым одеялом, только глаза сверкали стеклянным блеском.

— Спать пора, — проворчал Дмитрий.

Я снял кеды, куртку, свитер и штаны. Рубашку снять не рискнул — под утро могло похолодать. Постель была мягкая и удобная; к тому времени я уже был ученый и знал, что главное — хорошо укутать ноги. Потому что подводят, раньше всего замерзают, а если раз среди ночи проснешься, сна как не бывало.

— Максим сегодня спит у Никиты, — сообщил я, но новость не нашла отклика у народа.

— Хорошо, когда отходишь ко сну уставшим, — какое-то время спустя послышался голос Дмитрия. — Главное для человека

— работа, это лучшее из всего, что есть в жизни.

После этого заявления воцарилась тишина, а темнота так сгустилась, что можно было различить лишь маленький огонек, тихонько поплясывающий на догоравшей головешке.

* * *

— Нехорошо. Огонь ничего не хочет сказать.

Я обернулся. Перед печкой, распахнув ее металлическую дверку, на коленях стоял Коля и с озабоченным видом смотрел внутрь печи, где уже пару часов горело вовсю. Оконные стекла покрылись испариной от тепла, овладевшего кухней, тогда как снаружи смеркалось и продолжал идти холодный дождь. Мы уже неделю как знаем, что наша встреча с оленеводами, о которой мы заранее договорились, не состоится. Они должны были быть в середине августа у реки, но в такой дождь хозяин собаку из дома не выгонит, а что уж говорить про то, чтобы человеку по лесу скитаться. В такой дождь, как мне Коля сказал, сидят в чуме и ждут, пока перестанет лить, потому что и оленям тяжело на размокшем мху и оленеводам одежду негде высушить. А с мокрой одеждой — не жизнь, обязательно заболеешь, здесь это непозволительная роскошь. Так что и они в чумах, и мы здесь на кухне, сидели в ожидании тех редких солнечных дней, которые позволили бы нам встретиться на берегу реки.

— Они недалеко, — сказал вчера Коля. — Только бы дождь перестал.

Теперь он смотрел на огонь, напряженно о чем-то думая.

— Что там у тебя? — спросил я.

Внутри разрасталась тень и мерцающий блеск, пробивающийся через все щели раскаленной печки, пока что был единственным источником света.

— С тех пор, как ты здесь появился, огонь замолчал. — Он недоверчиво глянул на меня. — Он думает.

— О чем?

— Духи не хотят, чтобы ты оставался в тайге. Они не понимают, кто ты и зачем сюда приехал.

Дождь барабанил о подоконник, кривой пол терялся во тьме, в которой стоял коленопреклоненный Коля, и лишь лицо его было освещено (как на картинах старых живописцев) светом, исходящим из приоткрытой печки.

— Откуда ты знаешь?

— Огонь всегда тебе всё расскажет, предупредит о человеке или о медведе.

Странное дело, но после его слов в этой погружающейся в темноту и шум дождя кухне как будто кто-то появился. Казалось, темные углы стали его прибежищем, а поскрипывание мебели — отголосками его шагов.

— Ну и что он сейчас говорит?

— Сейчас? — Покачал он головой и пошуровал кочергой. — Сейчас он колеблется.

— Откуда знаешь?

— Вчера в бане специально печку истопил и то же самое. — С тихим скрипом он закрыл дверцу печки и задвинул засов. Зажег свет, мне пришлось зажмуриться. — Ты хоть дал что духам, когда высадили на берег?

— А что я им должен был дать?

Он на мгновение задумался.

— На твоём месте я пошел бы сейчас за дом и выбросил всё, что у тебя в кармане.

Он поставил чайник на огонь. Я встал из-за стола, обулся, надел куртку и вышел. По мокрому дощатому настилу прошел мимо густых кустов картофельной делянки. У сортира сиганул через забор и преодолел кучу лежавшего за ним мусора. Передо мной открылось широкое пространство, поросшее густой травой. За ним черной стеной стояла тайга. Я, как в сказке, повернулся к лесу задом, достал из кармана горсть мелочи и что было сил метнул за спину. Послышалось глухое побрякивание падающих в траву монет. Я оглянулся и увидел, что вечер уже погрузил землю во тьму и лишь обложенное тучами небо бледно светилось. На небольшом деревце неподалеку я заметил промокшего ворона. Друг по несчастью, он мок вместе со мной и смотрел на меня.

— Лучше поздно, чем никогда, — заявил Коля, попивая чаёк. Он встал из-за стола, открыл печь и взглянул на огонь. — Всё еще думает, — сказал он, закрыл дверцу печурки и налил мне чая. — Иди, сейчас новости будут показывать, — сообщил он и направился к телевизору.

* * *

Тепло растекалось по костям, грело тело, укутанное в тяжелое одеяло и прикрытое для надежности покрывалом. Только лицом я еще ощущал холодное дыхание ночи, которому я предавался с удовольствием человека, не поленившегося обезопасить себя толстым теплым коконом. Всё вокруг плясало в такт пляски угасавшего пламени на поленьях. В этом тихом театре теней предметы повседневного обихода принимали самые причудливые формы. На перекладине, колыхаясь от потоков печного тепла, сохли Максимкины штаны.

— Плюнь! Плюнь в огонь! — крикнула Татьяна.

— На фиг?

— Плюнь, говорят!

Слюна зашипела в ярком пламени. На щепке зашкворчал вытопленный из нее сок, своим шипеньем возвращая воспоминания о вчерашнем вечере. О том самом моменте, когда я почувствовал тычок в спину, и оказалось, что это черенок моего ножа. Тогда я вынул его из-под себя и с размаху воткнул в деревяшку, лежавшую перед огнем. Реакция была мгновенной. Татьяна вытащила нож и откинула его в мою сторону.

— Плюнь!

Я видел ее широко открытые глаза, с изумлением смотрящие на меня.

— Помни, держи эту штуку подальше от огня. Не то что-нибудь плохое случится с нами или с тобой.

Я перевернулся на спину, теперь надо мною зияла черная дыра первобытного дымохода. Стенки конусообразного чума сходились к ней, как будто мы лежали в пирамиде или в жерле нацеленного на небо орудия. Остатки света взбирались по брезенту

ввысь, слабея по пути и в конце теряясь в чернильном колодце, полном колышущихся в его бездне звезд. Пламя понемногу угасало, темнота постепенно стекала вниз, вбирая в себя всё больше предметов. Сначала она захватывала те из них, что висят повыше, потом остальное, пока в конце концов не зависла на долю секунды надо мной. Брезентовые покровы чума будто исчезли, растворившись во мраке, оставив нас голыми перед пустотой пространства. Единственное, что подтверждало реальность бытия — шум деревьев.

— Помни, — сказал на прощанье Коля, — не свисти там, не нарушай покой мертвых.

Где бы они ни лежали на своих древесных помостах, как в гнездах, просвечиваемые сквозь ребра всеми созвездиями, я почувствовал на мгновение, что, прежде, чем эта мрачная толпа, сокрушая нас, ворвется в рот, нос и уши, все мы будем дышать спокойно.

* * *

Вся деревня спала. Только молодежи, допоздна тискающейся по темным углам, было не до сна. Да еще редкому подгулявшему народу, чьи ругань и громкие разговоры долетали до нас через плотно зашторенные и наглухо закрытые окна. Только по всполохам сигаретных искр можно было узнать, куда не стоило соваться. Телевизор мигал, так что мне пришлось повернуться лицом к стене. Коля лежал на соседней кровати, закинув руки за голову: он как раз смотрел ночной сеанс.

— Грузят нас этими ужастиками, чтобы уничтожить нашу психику, — уловил я его слова, проваливаясь в сон, а во сне — в потрясающей красоты большие голубые глаза... Их зрачки были как глубокие колодцы, к которым по спирали слеталась стая птиц. В колодцах отражались облака. Достаточно было поднять взгляд и они висели над головой на своде небесного купола, как в горах: изгибы местности, лес, пригорки и поле со стогами выцветшего под солнцем сена.

— Жарко? — раздался чей-то голос.

Да, жарко, понял я. Разгар лета, пахло скошенным сеном, а с возвышенности открывался широкий вид на всю долину со старыми домами, костелами и людьми. Городок лез в боковые ответвления долины и в ущелья, минуя сказочные китовые спины пригорков, поросшие лесом и выгоревшей травой, в которой извивалась пестрая лента змеи.

— Берегись! — донеслось неведомо откуда.

И вот змея на тропинке свернулась в кольцо, присмотревшись к которому я понял, что она — радужная оболочка глаза, а трава, доходившая до пояса даже самым высоким (а уж что говорить обо мне!) и скрывающая в себе большие цветки ромашек и колокольчиков, это ресницы «змеиного глаза». По каждой из этих ресничек я пролетел как по доскам сельской мостовой, перескочил на черные клавиши пианино, стоявшее в большой комнате, а рядом с ним была мама. Пианино молчало. Зато звук лился со стеклянного экрана, с которого прямо на меня смотрели глаза ковбоев; а еще звучали душеразливающим скрипом несмазанные качели, качаясь то влево, то вправо.

— Суд идет, — вновь раздался голос.

Через белый дверной проём я вошел в комнату, где продолговатое зеркало серебрило стену. В комнате кто-то был. Улыбался пухлыми губами, обнажая гнилые зубы, смотрел на меня глазами, обрамленными серпантинном татуировки. Я выбрался на его теплое веко и начал своё путешествие.

— Привет, — сказал этот кто-то.

Круги, обрамлявшие его глаз, повели меня дальше, по волнам припухлостей на коже, в направлении густых бровей, росших словно кустарник на берегу ручья. Вода шумела, разбиваясь о мелкие камешки, перекатывала их, становясь бурой, когда подмывала откос, и слезами прожигала борозды на этом лице. Брат сначала бросил камнем через ручей, а потом исчез под черным узором, который раскручивался, разрастался, расползался побегами по всему покрытому морщинами лицу, густой, дикий, он спустился по шее и наверняка пополз еще ниже. Не затронул только кроткие голубые глаза.

— Вижу.

Я коснулся пальцем запотевшего зеркала, остался след. Так я сначала освободил глаз, потом теплое прикосновение и движение по кругу освобождали (на запотевшем стекле) всё большую картинку. Толстые щеки, большие уши, морщины и брови. Бархатные губы, искривленные в дебильной гримасе или в легкой усмешке, как бы прося прощения, властно, покровительственно. Когда же они открылись, появился первый зуб-лицо, я столкнулся с ним, как с препятствием, потом еще с одним и со всеми последующими. Все возможные формы и размеры, гнилые и здоровые и эти уже давно вырванные. Каждое узнал.

— Прощания, прощания, — передразнивали губы и дунули со всей мочи. И понеслись облака надо мной и над одичалой яблоней, за которой стеной стоял лес. По тропинке пришла черная собака, а долетевший из леса порыв ветра прочесал ее шерсть, каждый волосок. Потихоньку вечер окутал и нас и те далекие фигуры, что прятались между пихтами. Они не отважились приблизиться к нам, их отгонял черный пес, которому только единственному и было дано видеть их. Но в конце концов ушел и он.

Тень, ее отражение в колодце. Как тот мост над широкой рекой, полной отражений домов, машин и людей. По ним плавали лебеди, утки, под ними плыли облака. Каждый день из реки выныривало солнце, каждую ночь в ней тонула луна. Стальной горб моста возвышался между двумя частями треснувшей пополам равнины, как нос возвышается между половинками лица. Его пролеты обтягивала черная паутина самых разных форм и размеров, которую ткали тысячи пауков.

Его глаз был как аквариум — либо пристально смотрящим, либо пустым. Мешки под глазами свекольного цвета, толстые щеки, торчащие уши, железный нос и пухлые губы, своим бормотаньем приоткрывающие руины зубов. В уголке глаза свой хвост расположила змея и развertyвалась лентой по сотне черных серпантин, каждый раз, на каждом круге опоясывая лицо. Мой взгляд прилип к этой линии, как к мухоловке, и сле-

довал через выпирающую, как женская грудь, скулу, которую я гладил, ласкал, окончательно забыв, что это скула, пока не наткнулся языком на черную линию. Мое лицо залила краска стыда.

— Это сон, — последовало объяснение.

Его поверхность была озером, прикрытым ковром вечернего тумана, посреди которого черным зрачком проступал остров. Мягкие дуновения качали склонившиеся над водой деревья. Укрывавшие в своем лоне пропавшее уже несколько минут назад солнце, крутые горы, окружавшие озеро со всех сторон, виделись размытыми и далекими. Ночные птицы, до времени разбуженные, издалека подавали голоса, не давая заснуть дневным, последние из которых уже смежали глазки-пуговицы. Здесь же над темной поверхностью озера носились летучие мыши, чей полет угадывался по легкому плеску воды, которой касались их крылья.

На берегу стояла стройная женская фигура, волна стелила ей под ноги кружевную пену. Женщина плотно закуталась в шаль и смотрела на лодку, которую верной рукой мужчина направлял к острову, к зрачку. Там, на его дне, в темной комнате висела вязанная картинка, высвеченная снопами фар несущихся по дороге автомобилей.

На поверхности зеркала проступило незнакомое лицо: человек-карп, человек-сад, растяпа, распутник, повеса. Когда он смеялся, его подбородок плясал. Он был маленьким, как муравей, коротышка, малыш, но силач. На черепашьей скорлупе головы клубилась черная татуировка облаков, вся в волютах и завитках. Пересеченные морщинами, перерезанные шрамами на бровях, облака колыхались как настоящие. Он тряс голым животом, разводя в стороны сильные руки. Погружал подбородок в узорной складке жутко изуродованной шеи. Громадная лысая голова готова была взорваться. Широкая улыбка и мягкая насмешливая гримаса становились всё менее выразительными, потому что воздух постепенно стал наполняться светом. Дольше всего в памяти оставались его улыбка и кроткий взгляд.